

Анатолий АДАМИШИН

АНГЛИЙСКИЙ
ДИВЕРТИСМЕНТ

Анатолий Леонидович Адамишин

Английский дивертисмент

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48725506
ISBN 978-5-280-03804-2

Аннотация

Автор – известный советский и российский дипломат, в недавнем прошлом чрезвычайный и полномочный посол в ряде европейских стран, заместитель министра иностранных дел. Его мемуары охватывают самый сложный период становления новейшей российской дипломатии. Написанные ярким языком, полные глубоких и подчас горьких размышлений, раздумий о настоящем и будущем России, они вызовут несомненный интерес как у тех, кто интересуется внешней политикой нашего государства, так и у широкого круга читателей.

Содержание

С места в карьер: приезд президента	4
Английский монарх впервые в России	19
Чечня, расширение НАТО, война на Балканах: как они виделись из Лондона	44
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Анатолий Леонидович Адамишин Английский дивертисмент

Любе

С места в карьер: приезд президента

18 сентября 1994 года. Итак, мы на земле – как обойдешься без штампа – туманного Альбиона. На прощанье дочь припомнила Ахматову: «Ты – отступник, на остров зеленый променял ты родную страну». Красиво, но не точно. Нельзя сказать, что я особенно сопротивлялся, но приехал сюда не совсем по своей воле. Об этом чуть позже.

Президент Борис Николаевич Ельцин подписал Указ о моем назначении 5 сентября, англичане оперативно выдали агреман.

По ходу пьесы буду давать краткие пояснения и комментарии. Назначая посла за рубеж, его правительство спрашивает у принимающей стороны, согласна ли она на предлагаемую персону. Как правило, это обговаривается заранее, до направления официального запроса, и отказа за редким

исключением нет. Но «хозяева» могут выразить свое отношение к «гостю», играя сроками выдачи разрешения, то есть, агремана. Иногда они тянутся месяцами, как недавно в случае с Украиной. Обычно же просто соблюдаются приличия: не слишком скоро, но и не очень долго. В моем случае, наверное, немного быстрее: предстояли высокие визиты, посол должен быть на месте. Дипломатическая практика дело тонкое.

В аэропорту Хитроу встречают временный поверенный в делах (замещает посла в его отсутствие) и сотрудники посольства. Их не мало, так что я спрашиваю: в лавке кто-нибудь остался? Здесь же, к моему удивлению, небольшой табунчик журналистов. Посольские рассказали, что корреспондент одной из газет написал из Москвы: «Русские выбрали для Лондона птицу высокого полета». Они и пришли посмотреть, что за пернатое. Один из вопросов с подковыркой: из первых замов (вот она, птица!) министра иностранных дел в послы – не понижение ли? Как ответить? Не расскажешь ведь, что не сошлись во взглядах с Андреем Козыревым, главой МИДа, что отодвинул он меня от той работы, которой хотелось и полагалось бы мне заниматься, что послами уезжают такие замы, как Лавров и Чуркин, ратовавшие вместе со мной за большую самостоятельность российской внешней политики. Но как упрекнешь Андрея: не подарок работать с теми, кто разделяет далеко не все твои подходы. К тому же он вроде как двух зайцев убил, найдя замену

послу Панкину. Настрой против него у президентской бра-
тии был давний. С другой стороны, Англия это не Таиланд,
так что Козыреву, предложившему Президенту мою канди-
датуру, не откажешь в великодушии.

Отвечая на шпильку, распространяюсь, насколько важны
отношения с Англией, но в конце добавляю: «В Москве не
все понимают мой юмор». Хоть намеком, но лучше отклик-
нуться на ту фактуру, которую они так или иначе знают: у нас
в ту пору многие двери были нараспашку.

Вижу среди журналистов товарища по африканской эпо-
пее Тони Робинсона. В перестроечные годы мы, ругаясь и
взаимодействуя с американцами, развязывали анголо-нами-
бийский узел. Робинсон, тогда корреспондент на Юге Афри-
ки, эту эпопею описывал. Закончилась она удачно, а с Тони с
тех пор мы в друзьях. Вскоре он навестил меня и дал первые
«вводные» в жизнь аборигенов. Его, в свою очередь, интере-
совали наши дела. Впечатлил его рассказ о некрологе, кото-
рый сочинила его редакция на случай кончины Горбачева.
Там они пустили несправедливую стрелу в адрес Президента
СССР, процитировав Кромвеля: «Никто не заходит так да-
леко, как тот, кто не знает, куда он идет». В очередной раз
поспорили с Тони. Я и раньше слышал об обычае заранее го-
товить поминальные статьи. Должно быть, много раз редак-
тировали за прошедшие (к 2018 г.) почти четверть века. Же-
лая Михаилу Сергеевичу долгих лет жизни, упомяну, что в
свое время Черчилль пережил многих авторов загодя напи-

санных некрологов. Некоторые он, говорят, читал и правил.

Англичане уговорили Ельцина заехать к ним по пути в Нью-Йорк на сессию Генассамблеи ООН. Борис Николаевич прилетает через несколько дней, так что начинаем с боевого крещения. Едва успеваю познакомиться с дипломатическим персоналом, посмотреть на организацию работы посольства, кое-где подправить перед нелегким экзаменом. Надо, например, плотнее заняться прессой. В отличие от властей она настроена не очень дружелюбно. Скверная статья во влиятельной «Гардиан». Прибавляет ложку дегтя Панкин. «Дэйли экспресс» публикует интервью, взятое перед его отъездом из Лондона: сняли его КГБ и черные силы. Но в конце вывод пошире: представляет ли себе Королева английская, в какую страну она едет? Елизавета Вторая должна через месяц посетить Россию, событие по всем меркам историческое. Наводить на него тень – удар ниже пояса.

Через пару дней визит к министру иностранных дел Великобритании Дагласу Хэрду. У англичан он именуется Иностранный секретарь, все не как у людей. Скорый прием посла еще один знак, что здесь серьезно относятся к рабочему визиту российского Президента. Хэрд говорит, что не предвидит каких-либо проблем по повестке дня бесед премьера, Джона Мэйджора, с Ельциным, а также его самого с Козыревым.

«Важно закрепить ту атмосферу откровенности и доброжелательности, которые сложились между лидерами двух

стран.

Мэйджор долго думал над форматом предстоящей встречи. Он просит передать, что предлагает провести ее в своей загородной резиденции Чеккерсе. Это подчеркнет доверительный характер бесед».

Многие, казалось бы, обыденные вещи несут в дипломатии смысловую нагрузку.

Из проблем, которые британской стороне хотелось бы обсудить в ходе переговоров, Хэрд выделил ситуацию в Боснии (тогда это была одна из самых острых международных тем). По его оценкам, нынешней осенью кризис там вступит в опасную фазу, что требует дополнительных усилий, в том числе наших двух стран. Хэрд с беспокойством говорил о противоречивых настроениях в США. Мэйджор намерен пробрифинговать Ельцина об американских подходах. Необходимо в особенности координировано противостоять их планам снятия эмбарго на поставки оружия в Боснию и Герцеговину.

Хорошее откровение!

Англичане заинтересованы также в диалоге по таким вопросам, как взаимоотношения России с НАТО, положение на постсоветском пространстве, предстоящий саммит Сопровождающий по Безопасности и Сотрудничеству в Европе.

Подходит, помечаю про себя, все темы актуальны и для нас.

Хэрд расспрашивал меня о России, ходе проводимых ру-

ководством страны преобразований. Для первого раза отвечал общими обнадеживающими фразами: политическая ситуация стабилизируется, экономика начинает выходить из затянувшегося кризиса. Да и в дальнейшем рисовал англичанам картину может быть чуть отраднее, чем в реальности: не дело рассусоливать наши трудности с иностранцами. Главное же, ни в коем случае не обманывать. Хэрд на мою информацию отреагировал на английский манер: тот факт, что обстановка в РФ все реже фигурирует на страницах британской печати – неплохой признак.

Политика правительства Черномырдина, заметил он, способствует созданию в России здорового экономического климата. Есть договоренность о его приезде в Англию. В Лондоне надеются предметно обсудить развитие торгово-экономических связей.

Про себя отмечаю: не забыть предупредить Виктора Степановича, что нужно привезти с собой конкретные предложения.

Британец особо выделил предстоящий визит в Россию Елизаветы II. Событие эпохальное. В последние несколько лет, по словам Хэрда, написана первая глава качественно новых российско-британских отношений. Визит Королевы как бы открывает вторую главу.

Мне повезло, англичане были тогда расположены дружить с нами, сотрудничать там, где интересы объективно совпадали. Началось это с горбачевской перестройки, пере-

шло на первые годы демократической России, продержалось все время моей там работы (до мая 1997-го), хотя ближе к концу уже стало похуже. О 2018-ом, когда готовлю к печати давнюю рукопись этой книги, лучше не говорить.

С первой же встречи затянул я песню, которую пел все время службы в Великобритании: больше английских инвестиций в Россию, больше совместных проектов, больше торговли. Улучшить условия работы здесь российских бизнесменов, они явно хуже, чем для английских в России. «Ни одна мировая держава не может терпеть подобную дискриминацию».

Не стал затягивать беседу, закончив ее по своей инициативе; это небольшая дипломатическая тонкость, основное сказано, не стоит с первого же раза испытывать терпение собеседника.

(Бывало в МИДе, принимаешь посла, все уже обсудили, а он все говорит и говорит, заставляя тебя нервничать, дело невпоровот.)

Мы вроде нашли с Хэрдом общий язык, он и дальше вел себя со мной откровенно и дружелюбно вплоть до своего ухода в отставку. С преемником, Майклом Рифкиндром так уже не получилось.

Всегда полезно, прежде чем взяться за какое-нибудь дело, выделить наиболее важное. Финны это выразили так: прежде, чем спилить сосну, обойди ее несколько раз.

Начну немного издалека. В чем главная функция внешней

политики, а значит, дипломатии, а значит, ее важной составной части – посольств? Общепринятый постулат: отстаивать (защищать, продвигать) на международной арене интересы своей страны. В условиях мира цивилизованными приемами, методично, без лишних дерганий, как нечто само собой разумеющееся. А в чем заключаются твои национальные интересы? Этот вопрос затрагивает самую суть внешнеполитического курса, и ответы на него различных слоев общества не часто бывают одинаковыми. Если исходить из того, что дипломатия есть удел здравого смысла, то крайне важно постоянно держать в уме ту печку, от которой должна плясать любая политика: реальное положение страны. В тот период, думаю, существовало широкое согласие насчет того, что первый долг внешней политики – помочь России поскорее выйти из нынешнего кризисного состояния. А значит, на всех азимутах «грести под себя» инвестиции и капиталы, технологии и ноу-хау. Открыть перспективу перехода России от сырьевой и милитаризированной экономики, доставшейся в наследство от Советского Союза, к диверсифицированной и высокотехнологичной, к модернизации, в том числе в сфере политического устройства. Это только и даст устойчивое развитие и рост жизненного уровня населения.

Готовясь приехать в Лондон, долго думал над тем, чем нам могут быть полезны англичане? Перечел кучу справочных материалов, подготовленных и в МИДе, и в других ведомствах. Порадовался их добротности. Определил для себя три

главных направления.

Сбор информации. Еще с тех времен, когда солнце не заходило над Британской империей, англичане славятся весьма сведущими людьми. Они хорошо разбираются в обстановке во многих районах мира. Недаром Джеймс Бонд родился в Англии. В те годы, когда я там работал, они довольно охотно делились со мной сведениями. Иногда, завидуя осведомленности, я «подтрунивал»: если бы вы еще сделать могли столько, сколько знаете. Понятно, что сбор информации один из важнейших инструментариев посольской работы. Мало, однако, ее добыть. Получаемая по разным каналам информация, равно как и соображения наших собеседников, каждый раз проверялись доступными средствами. Затем я советовался с непосредственно задействованными работниками, стоит ли информировать Москву. Отсев был немалый, мы старались отделять зерна от плевел.

Второе направление – привилегированные отношения с США. Не все здесь однозначно, мы это увидим, но если американцы к кому-то близки по духу, то это к англичанам, как никак, англосаксы. Их они не часто, но слушают. В единичных случаях удавалось, действуя через британцев, достигать большего результата, чем на прямую с американцами. Прихожу к Дугласу Хэрду, потомственному аристократу в хорошем смысле слова. Начинаю говорить, он быстро схватывает суть и отвечает: «Вам не нравится, как ведут себя американцы? И вы хотите, чтобы мы вам помогли? Хорошо, посмотр-

рим, что можно сделать». «Поправляли» они американцев, разумеется, только тогда, когда наши подходы совпадали.

И, наконец, третье направление: бизнес, особенно финансы. К этому времени Лондон, используя и преодолевая свое имперское прошлое, превратился в один из главных, если не самый главный финансовый центр мира. Первейшую свою задачу я видел в развитии финансово-экономического сотрудничества с Великобританией. Где только можно, помогать экономике России, не забывая, естественно, о политике. Но там англичане могут дать меньше.

Решил разведать, что это за официальная загородная резиденция английского премьера. Думал, за версту узнаю ее, а нет. Неприметная узкая дорожка, хиленький шлагбаум, буковая аллея, как выяснилось, высаженная Черчиллем (внутри висит картина его кисти). Типично английский особняк из красного кирпича. Восемьсот лет им владела одна семья. Затем бездетный лорд, увековечив свое имя, передал поместье государству для резиденции премьера вместе с деньгами на ее содержание. Сказал охране, что российский посол, пропустили сходу, хотя заранее мы не предупреждали. Внутренняя обстановка располагает: гостиная мореного дуба, камин, огромное количество книг, небольшой садик внутри стен. Одна из достопримечательностей письменный столик Наполеона. Англичане притащили его (в детстве мы говорили «притаранили») с острова Святой Елены вместе с книгой распоряжений Бонапарта и собственноручно напи-

санными им письмами.

Повидали мы в наших странствиях эту Елену – безнадежно тоскливое место посреди океана. Добраться можно только по морю. Отомстили напоследок англичане Наполеону, да говорят, и кончину его там, на острове, ускорили.

Сейчас вроде такое подозрение с англичан снято. Построили, наконец, аэродром, только летать некому.

В современной пристройке особняка – бассейн, подаренный бывшим послом США в Соединенном Королевстве в память о посещениях Чеккерса президентом Никсоном. В отличие от американца не стали дарить ничего дорогого, да и поплавать в бассейне команде Ельцина не предложили.

Прилет 24 сентября 1994 года на авиабазу королевских ВВС Брайз-Нортон. Проезд к ней беспечные англосаксы указывают подробными дорожными указателями. В небольшом зале ВИП приветливо знакомятся с нами Норма и Джон Мэйджор. Она с симпатичным лицом маленькой мышки, его внешность близка к ординарной. Потом он скажет: «сын похож на Норму, т. е. красивый». Здесь и Даглас Хэрд, foreign secretary. Он переживает, что в последний момент поломалась программа, которую его жена подготовила для жены Козырева: та не едет.

Позже, на обеде в Чеккерсе, мы были с Хэрдом за одним столом, оказались оба любители Киплинга.

Если хочешь расположить собеседника к себе, желательно произвести на него впечатление. Правило общее, а для ди-

пломата почти обязательное.

Киплинг пришелся кстати. Каждый англичанин знает его знаменитое «If» «Если»), хорошо продуманное наставление молодому британцу на предмет подготовки его к владению миром. Прочитировал Хэрду пару строк по-английски, потом сказал: «послушайте, как это звучит по-русски в моем доморощенном переводе». Вот уж не думал, корпя над виршами за кухонным столом в Москве 70-х годов, что они мне пригодятся. Кто-то сказал, что дипломатия не знает отходов.

Из чрева огромных «АНов» выкатились три огромных ЗИЛа, но Ельцин, пойдя навстречу англичанам, поехал в их машине. По славным, но узким английским дорогам, где движение перекрывалось мотоциклистами лишь в последний момент, доехали до Чеккерса. Сразу же сели разговаривать. Первым вполне убедительно изложил российскую позицию наш Президент, подбадриваемый Козыревым (тот тихо приговаривал:

«Борис Николаевич, класс»). Чувствовалось, что министр поставил себя в положение человека, к словам которого Президент прислушивается.

Час дня, провокатор Джон спрашивает: «Что будем пить перед ланчем? Я – джин тоник». Б.Н., как и все остальные, присоединяется. Ничего выходящего за норму не происходит, как и за все время пребывания Ельцина в Англии. Так что если это была «разведка боем», то она не удалась.

На прогулке после ланча премьер завел нас в деревенскую

пивную, у них она называется паб. Публика практически не среагировала на лидеров двух стран. В Чеккерсе люди и скот гуляют где хотят. Норма жаловалась, что, пользуясь вековым правом свободного прохода, ходят прямо под окнами премьерера.

Среди обсуждавшихся проблем главной было расширение НАТО. Другие темы, названные заблаговременно Хэрдом, особой дискуссии не вызвали, там нашлись точки соприкосновения. Мэйджор петлял, не желая признать, что принимать новых членов в Североатлантический союз все-таки будут.

В конце концов Ельцин сказал: если в 2000 году, то я не так волнуюсь. И с облегчением спрятал свою памятку в карман. Англичане могли уверять в чем угодно, но решали-то не они! Ошиблись они на год: первое после окончания холодной войны расширение НАТО состоялось в 1999 году.

Ниже поговорим об этом подробнее. Российско-британским отношениям с обеих сторон давались положительные оценки, им предвещали дальнейшее развитие. В общем итоге Ельцину, насколько могу судить, англичане понравились. Для них же, видимо, было важно посмотреть, в какой форме находится Президент России, как политической, так и физической. Слишком часто местные аналитики заявляли, что администрация Ельцина доживает последние дни. И экономика, мол, катится вниз, и реформы остановились, и тяжело больна демократия.

Исходя из своих английских представлений, они считали, что на этом фоне правительственная команда должна уйти. Мэйджор и Хэрд, однако, по-прежнему стояли на том, что выбор Запада в пользу Ельцина правильный, и старались во всем его поддерживать. Так что краткий заезд Президента России в Лондон был для него успешным.

То было общее мнение дипсостава, когда мы собрались, чтобы подвести итоги визита. Посмотрели мы и на свою работу, скорее в критическом плане.

Нашему послу в Дублине повезло меньше. Через несколько дней вижу на первых страницах английских газет фото пустого трапа, подогнанного к самолету с гордым российским орлом на хвосте. Рядом по всей форме построен почетный караул. Возвращавшийся из Нью-Йорка Ельцин не вышел к премьер-министру Ирландии, с которым заранее договорились о беседе. (Остановка президентского самолета в ирландском Шэнноне плановая.) Тот, по выражению англичан, «студил пятки», пока не вышел зампреьера Сосковец с объяснениями: Президент устал, не здоров. Единственная шпилька англичан: «резвенник ирландский премьер повел себя как истинный джентльмен». И все, никаких инсинуаций в адрес Б.Н. В Москве же, как мы прочитали, долго переживали его очередную выходку, на этот раз «невыходку». Еженедельник «Новое время» поместил особо злую заметку. Что ни говори, свободная была пресса.

А за Шэннон попало МИДу: нечего перегружать програм-

му. Насколько могу судить, в характере Бориса Николаевича не было злопамятства. Раздосадованный однажды нашим послом в ФРГ Тереховым – он призывал его к сдержанности на публике – Б.Н. крикнул ему: «Ты больше не посол». Но Слава из Берлина отозван не был.

Английский монарх впервые в России

В предвидении визита Королевы вручение ей моих верительных грамот провели в ускоренном порядке.

Это красиво оформленный документ, подписанный Ельциным. Он удостоверяет, что вручающая персона является дипломатическим представителем Президента России. Посол получает возможность познакомиться с главой государства, где ему жить и работать. Скажу по секрету, что после этого добрая половина послов вряд ли его увидит, разве что прощаясь и передавая отзывные грамоты.

Идущая из глубины веков процедура в Англии, я вам скажу, – спектакль. Как и положено при хорошей постановке, тебе устраивают генеральную репетицию. Отработана она до мелочей: три шага вперед, стоп, легкий поклон, одной только головой, в перегиб не сгибаться, мы демократическая страна. По окончании я, естественно, спросил, все ли как надо. Протокольщик лаконично ответил: «Сойдет». Потом добавил, что итальянскому послу в конце экзамена было сказано: «Самое главное для вас – не сбить Королеву с ног».

Была у меня и собственная «генеральная репетиция»: перечитал все, что подготовило посольство к вручению грамот, а еще больше – к предстоящему визиту Королевы в Россию.

«Британоведы» у нас толковые и по-хорошему влюбленные в Англию.

Проникнуться к ней симпатией, стране своеобразной, подверженной островному менталитету, требует определенных качеств.

Но без такого отношения к стране пребывания и людям, ее населяющим, дипломатам в ней делать нечего. Недаром Александр Сергеевич Грибоедов учил:

«Задача дипломата – по возможности помирить правительство страны пребывания с правительством своей страны. Поссориться они могут и без дипломатической службы».

(Поэтами-дипломатами были не только Грибоедов и Тютчев. В 19 веке более тридцати русских писателей и поэтов служили на дипломатической ниве. Да и Пушкин какое-то время, правда, недолгое, проходил по иностранному ведомству. И в нынешнем российском МИДе немало поэтов, включая министра. Напоминаю об этом в порядке квалификации дипломатической службы, о которой не так много знают.)

Подготовленный ребятами «психологический портрет» Елизаветы был объективен и по справедливости позитивен. В нем, как я убедился за годы работы в Лондоне, преобладали лучшие черты характера лучших англичан: хладнокровие, достоинство, мужество. Один только пример.

В долгие месяцы почти непрерывных немецких бомбардировок королевская семья не уехала из Лондона. Четырна-

дцатилетняя наследница престола настояла на разрешении поступить на военную службу, освоила профессию водителя военно-транспортного центра, меняла шины на грузовике, разбирала и собирала мотор.

Прекрасным солнечным днем 13 октября 1994 года к посольству подкатила кавалькада, в прямом смысле этого слова. Помимо нескольких автомобилей была открытая коляска о двух лошадях во главе с кучером в ярко-красном цилиндре и парой не менее живописных слуг на запятках.

Меня, облаченного во фрак, взятый по такому случаю напрокат, посадили рядом с Маршалом двора, разумеется, бывшим военным высокого ранга. Другое сопровождение, включая жену, было размещено в «ролл-ройсах». Делалось все чинно и величаво. Все посольские высыпали во двор и на улицу, щелкали фотоаппаратами, никто им не мешал и не подгонял.

Далее кортеж торжественно тронулся по лондонским улицам и паркам к Букингемскому дворцу. Все рассчитано по минутам, благо не так далеко. Посольство наше в Лондоне исключительно удобно расположено на тихой зеленой улице. Идет это от нелюбви англичан к большевикам: в далеком 1922 году удалось снять комплекс зданий только на условиях выплаты арендной платы на много лет вперед. Можно себе представить, как нелегко было найти тогда энную сумму в валюте, вернее, в золоте. Лета прошли, и сделка оказалось выгодной и в финансовом отношении.

Сама церемония в Букингемском дворце прошла без сучка и задоринки, я четко считал в уме шаги, полупоклоны и повороты.

Затем был чай вдвоем с Королевой. Она мне сразу чрезвычайно понравилась: спокойная и доброжелательная, умный проницательный взгляд. Затронули мы с ней и политические темы, она проявила полную осведомленность. В упомянутой справке меня предупредили, что ее Величество (так ее полагается называть только в первый раз, затем просто Мадам) не чувствует себя вполне свободно с людьми, которых она не знает. Я этого не заметил. Елизавета II была сама любезность и тактичность. И в дальнейшем во время кратких встреч по торжественным случаям и вплоть до прощальной аудиенции накануне моего возвращения в Москву Королева была подчеркнута благожелательна к послу России. Акцент, понятно, на втором слове.

На обратном пути в той же карете груз ответственности спал, и я позволил себе некоторые вольности.

Наш экипаж привлекал к себе внимание прохожих. Увидев двух японских туристочек, фотографировавших нас, поинтересовался у Маршала, не сможем ли мы их подвезти. Он поджал губы: «Не думаю, чтобы это было правильно понято». Очередной урок: англичане ценят собственный юмор больше, чем услышанный от других. Впрочем, остроту мою трудно было признать удачной.

По возвращении в посольство поинтересовался, могу ли

угостить фореиторов. Получив добро, вынес им по стопке водки; они ее махнули, не закусывая. Финал у мероприятий что в России, что в Англии один. Теперь в Москву, сопровождать Королеву в ее историческом визите. Ни одна царствовавшая на британских островах персона не посещала Россию, во всяком случае, не доехала до столицы.

В июне 1908 года, как следует из подготовленных бумаг, король Эдуард VII встретился со своим племянником, нашим Николаем II, в бухте г. Ревель (*сейчас это Таллинн*). Но на берег он вроде не сходил, оставался на своей яхте «Виктория и Альберт» или на российской «Штандарт».

Главное же, визит Елизаветы означал примирение со страной, в которой были зверски убиты российские монархи. Как известно, императорский дом Романовых был в тесном родстве с британской королевской семьей. За пару дней до визита муж Елизаветы, герцог Эдинбургский, публично заявил: «Нельзя осуждать весь народ за то, что сделала или делает кучка экстремистов».

В прямой связи с будущим визитом Лондон посетили С. Мироненко и В. Соловьев, люди, непосредственно занимавшиеся идентификацией останков убиенных. Зарубежная православная церковь, рассказали они мне, канонизировала Николая II, его кости теперь мощи. То, что они царские, сомнения нет. Это показал тест, который провели англичане, сравнив ДНК его и великого князя Георгия Александровича, умершего в 1899 г. Для этого пришлось вскрывать его

гробницу. Ученые гости пояснили мне, что Елизавета II приходится внучатой племянницей Николаю II, а Герцог Эдинбургский – его троюродный внучатый племянник. Первый раз увидев принца Кентского, кстати, нашего соседа, поразился его сходством с последним российским самодержцем.

Императрица же Александра Федоровна, урожденная Алекс фон Гессен, была любимой внучкой Виктории, знаменитой британской королевы. Срок ее пребывания на троне до сих пор (написано в 2015 г.) остается рекордным. Пожелаем Елизавете II перекрыть его!

Через год это мое пожелание сбылось.

23 октября 1994 г. Воскресенье, значит, есть время взяться за диктофон. Чудная солнечная, осенняя погода. Волна холодов прошла, и все в теплых золотых красках.

С плеч скинута большая гора: визит в Россию царствующего британского монарха. Трудно было бы найти лучшего исполнителя этой миссии, чем Елизавета Вторая. И пришелся визит на такой исторический промежуток времени, – первые годы демократической России – который после долгих лет конфронтации был полон надежд на новый характер наших отношений с Западом.

На этом фоне удалось соединить заранее согласованную концепцию – духовно-нравственное примирение двух стран – с программой визита. Этого добились ценой серьезных усилий дипломатов с обеих сторон. Как конкретно? Аппеляцией к объединяющему нас военному прошлому. Королева

не просто возложила венок к Могиле неизвестного солдата в Москве. Вместе с Ельциным она посетила Пискаревское кладбище в Ленинграде (sorry, это теперь Санкт-Петербург). Оно не может оставить равнодушным никого, полмиллиона погибших, похороненных в одном месте.

(Недавно опубликовали такие данные: в блокаду с сентября 1941-го по январь 1944-го от бомбежек и обстрелов погибло 17 тысяч человек, от голода умерло 800 тысяч.) Далее. Королева побывала в Петропавловской крепости, где ей показали место будущего перезахоронения Николая II и членов его семьи. Елизавета вела себя подчеркнуто сдержанно. А ведь после убийства Романовых британские монархи поклялись никогда не приезжать в Россию.

Перевернута и эта страница, примирение состоялось. С точки зрения королевской и императорской семей, наверно, держится и сейчас. В сфере политики скорее нет.

То, что в отношениях России и Великобритании наступит новая пора, подчеркнули встречи с молодым поколением: учащимися школы № 20 в Москве, стипендиатами Британского совета, студентами, переполнившими актовъй зал университета в Питере.

Особенно трогателен был утренник для воспитанников детского дома, устроенный на королевской яхте «Британия». Их рассадили за тем же столом, за которым накануне вечером ужинали в торжественной обстановке Королева английская и Президент России.

С обеих сторон тогда выразили надежду, что молодое поколение, свободное от стереотипов и подозрений прошлого, выведет наши отношения на новый уровень доверия и контактов.

Оправдались ли эти надежды? Первое время да, сейчас нет, хотя какие-то положительные моменты остались.

Мадам не преминула зайти в англиканскую церковь Святого Андрея, построенную в 1882 году на средства британцев, проживавших тогда в Москве. В 1920 году ее по решению Советского правительства закрыли. В 60-х годах церковь была переоборудована в хранилище фирмы звукозаписи «Мелодия» и на приезд Королевы использовалась в этом качестве. «Мелодия» милостиво предоставляла церковь раз в неделю для богослужения.

Президент Ельцин сдержал обещание, данное Королеве. «Мелодию» выселили, служба в церкви идет на английском языке. Два раза в неделю – концерты.

В последующие годы и нашей церкви много чего и материального, и политического было возвращено. В одном 2016-м году сто объектов.

На «Британии» прошел семинар для английских бизнесменов, задуманный для стимулирования инвестиций в Россию. Королева и здесь дала «зеленый свет». Что беседы? Как говорится, штатно: переговоры показали, что позиции по таким аспектам, как российско-британское партнерство, архитектура европейской безопасности, преодоление кризис-

ных ситуаций близки или совпадают. Главный вывод: будем работать вместе. Ельцин похвалил монархию, которая «может быть составной частью демократической системы правления».

(Впоследствии царь Борис, как его называли журналисты, стал воспроизводить это на практике, потихоньку двигаясь к режиму личной власти.)

Это было к месту: накануне отъезда королевской четы в Россию произошел очередной, не скажу, скандал, но скандальчик, связанный с наследным принцем Чарльзом.

Словом, визит стал венцом и политики символов, и масштабной дипломатии.

Под стать Елизавете II молодцом выглядел наш Президент. Он был красив и галантен. Отдельные выходы за пределы ортодоксального протокола только добавили шарма.

Как, например, во время обеда на «Британии». Перед своим тостом он внезапно начал громко стучать кулаком по столу в пандан Королеве, стукнувшей деревянным молотком перед началом своего выступления. У меня в глазах стоит, как Елизавета вышла из положения, полувсерьез полущутя охнув и всплеснув руками.

Когда провожали Королеву на корабль, Ельцин никак не хотел ее отпускать. Потом остался на причале, со своим приятным детским лицом все ждал, что она сверху ему помажет. Елизавета же сразу прошла к себе. Б.Н. все не уходил, и тогда мы, русская часть, стоявшая на палубе, начали ему

махать и аплодировать, и он долго нам отвечал.

А что с нашего грешного угла? Полных четыре дня работы с утра до вечера, когда каждую минуту может случиться осечка. Тридцать пять, как мы подсчитали, подводя итоги на сходке в посольстве, мероприятий с участием Королевы. Более пятьсот человек пишущей и снимающей братии – и все без единого срыва. Во всяком случае такого, за который дают по голове. Много крови нам это стоило. Тем более что британские журналисты, конечно, нашли к чему придраться. Один сукин сын составил даже список из десяти «оскорблений», которым подверглась королевская пара. Не было, мол, премьера Черномырдина, министр иностранных дел Хэрд остался без своего визави Козырева, и прочее в том же духе. Поставили в строку «потемкинскую прогулку» по Красной площади, полностью очищенной от людей. Это вам не многолюдная встреча на ней Горбачева с Рейганом, когда Рон публично снял с нас ярлык «империя зла».

А вот английские ребята, сопровождавшие Королеву, ни на что не жаловались: чувствовалось истинно аристократическое поведение главной гостьи.

При спонтанных встречах на улице люди были предупредительны, некоторые даже просили Королеву остаться в России монархом.

Познавательной была экскурсия по Кремлю: не знал, что некоторые наши вожди взвешивали возможность не только работать, но и жить в Кремле.

Б.Н. же, нам рассказали, предпринял попытку всерьез, это одна из причин, почему он выселил кабинет-квартиру Ленина.

Очень постарался мэр Ленинграда (как раз в это время он переименовал город в Санкт-Петербург), Анатолий Собчак, мой знакомый еще с начала девяностых. Я был очень рад за него. Королеву свозили в Пушкин, бывшее Царское село, с гордостью показали недавно отреставрированный Екатерининский дворец, по площади больший, чем Букингемский. Знай наших!

К сожалению, сразу же уехав в Лондон, не добрался до культурных приманок, привезенных Британским советом. А там были спектакли сразу трех лондонских театров, хор Вестминстерского аббатства (вместе с нашим камерным оркестром), выставка британской скульптуры и обширная экспозиция «Британия – Россия».

Послесловие к визиту или два слова о дипломатической технологии. Ее отличает помимо прочего внимание к «мелочам». 26-го декабря того же года вернулся в посольство после протокольного мероприятия, как мы зашифровываем приемы, обеды и ужины, спрашиваю: что произошло? Вроде ничего, отвечают, разве что Королева в своем традиционном рождественском послании уделила необычно большое место России, тепло вспоминала о своем визите.

Я: ничего себе ничего! Давайте сообщим об этом в Москву.

Мне: стоит ли, просто слова вежливости по случаю праздника. Настоял на своем, послали краткую депешу. Что бы вы думали? На брифинге в МИДе это обыграли, преподнесли в более широком контексте наших отношений с Англией.

Сообщили об этом нам. Что делаем дальше? Посылаем московские перлы пресс-атташе Елизаветы II, тот страшно рад. Спрашивает, направили ли на Даунинг стрит, 10 (Премьеру) и в Форин-офис? Заслали и туда. В итоге получили небольшую изюминку из тех, что помогают большой политике.

В 90-ые годы монархия в Англии, а ее возглавляет без перерыва 1000 лет один и тот же род, столкнулась с трудностями. Преодолены они были прежде всего благодаря Елизавете.

После ее преобразований королевская семья стала платить налоги, а Букингемский дворец открыли для туристов. Благодаря ее самообладанию и спокойствию удалось без больших потерь пройти тяжелые времена, когда ее дети, как сговорившись, подкидывали ей огорчения своими разводами.

Уже при мне последовало еще одно нововведение: королевская семья стала отдавать часть своей собственности под аренду жилья. Причем таким образом, что в целом облегчается положение английских налогоплательщиков. В 1990 году 95 опрошенных отвечали «да» на вопрос, будет ли существовать монархия через десять лет. В 1997 таких стало

только 77-, а сейчас их опять под девяносто. Один из доводов сторонников монархии: с ней Великобританию больше уважают в мире.

Второй по значению вклад в модернизацию монархии внесла, на мой взгляд, невестка Королевы принцесса Диана. В счастливые времена тем, что создала новый имидж члена королевской семьи: не великолепие, привилегии и обособленность, а такая, как все. Она каталась с горок в детском парке аттракционов, занималась бегом, садилась за руль собственного автомобиля, слушала популярную музыку и т. д.

По этому пути пошли ее сыновья, младший Гарри, на первых порах даже несколько перебарщивая, и пользующийся большой популярностью принц Вильям. Многие хотели бы его видеть будущим королем через голову отца, принца Чарльза, но сие не позволяет законодательство.

В тяжелый же период измены Чарльза и развода с ним достойное поведение Дианы бросало вызов королевской семье, заставляя ее менять прежнюю замкнутость и закрытость, приближаться к поведению монархов в странах Скандинавии и Бенилюкса.

Расскажу о своих встречах с членами королевской семьи, ориентируясь на хронологические записи в дневнике.

Январь 1995 года. На прошлой неделе побывали у наших соседей, благо их «муравейник», как они называют Кенсингтонский дворец в силу скученности, виден из окон Посольства.

Пригласил к себе принц Майкл Кентский. Это человек довольно высокий, сублильный, с узкой грудью, половину которой занимает огромный галстук, с бородой на все лицо. Сильно напоминает по портретам Николая II. Вот она, германская семейка. У него небольшая, но симпатичная квартира с огромным количеством всякой дребедени на столах: табакерки, коробочки, монеты, медальки и т. д. Он член Попечительского совета музыкальной группы российских молодых дарований «Новые имена». Договорились устроить где-то ближе к Пасхе их концерт в роскошном месте, Сент Джеймском дворце. А сделать это может только член королевской семьи. Принц Майкл увлекается защитой уссурийского тигра, собирает на хищника деньги, ну и давай ему бог удачи, а мы будем помогать.

Через пару дней ланчевали в том же Кенсингтонском дворце ни с кем иной, как с принцессой Дианой, или Дайаной, как ее здесь называют. Не понимал, почему она пригласила к себе, думал, будет большое сборище, ан, нет, только мы с женой, Дайана и ее секретарь, умный мальчик. Очень хорошее впечатление все на нас произвело.

Главное, конечно, сама Дайана. Фотографии и телевидение не передают, до чего она очаровательна. Хотя и высока ростом, но очень милая, обаятельная и совершенно не глядит исподлобья, как на снимках.

Я глаз от нее не мог оторвать, но отрывать приходилось. Еще у нее очень трогательная манера как бы всхлипывать,

начиная фразу. Не знаю, может это у англичан принято, на бумаге этот звук не передашь. Впечатлило меня, что вся ее квартира уставлена фотографиями. В основном дети, она говорила, что очень любит своих мальчиков. Но там есть и принц Чарльз, и Королева, и другие члены королевской семьи, акварельный портрет самой Дайяны, очень хороший, и акварели ее венчания в Соборе Петра и Павла.

Целый ряд тем мы затронули, но болезненные для нее – ее семейный статус, и для меня – Чечня, не касались. Только в самом конце, когда я, уходя, сказал ей, что она может рассчитывать на любую помощь со стороны российского посольства, она сказала: да, мне сейчас сочувствие нужно.

Диана занимается обширной благотворительной деятельностью, в том числе патронирует тут как всегда создан фонд – детскую больницу в московском районе Тушино. Англичане направляют туда медикаменты, оборудование, обучают персонал. Так что и на нас распространяется ее благотворительность. Естественно, сказал, что было бы неплохо, если бы она приехала в Россию. Она с готовностью откликнулась. Теперь нужно искать подходящий случай.

Так и не нашли, а потом она неожиданно ушла из жизни.

Уже совсем прощаясь, она разгадала загадку, шепнув мне: это Рейн меня надоумила вас пригласить, говорит, посмотри, вроде нормальные люди приехали. Может быть, подходящие, поправил я. А цепочка такая. На одном из концертов Ростроповича (были потом за обедом в его лондонской

квартире) познакомились с неким Стауцкером. Бывший чех, сейчас английский сноб, сам в свое время играл, покровительствовал музыке, сейчас тоже иногда что-то организывает. Милая такая пара, жена Мерседес, ударение на втором слоге. После одного из концертов пригласил в ресторан, где была некая баронесса Рейн Де Шамброн. Оказалась мачехой Дианы, ибо вышла замуж каким-то по счету браком (он тоже не первым) за ее отца, лорда Спенсера. Принцесса через Спенсеров принадлежит к одному из старинных аристократических родов. Так что меломанство иногда дает осязаемый результат.

Скажу к слову, что правильно подобранное увлечение способствует работе на дипломатическом поприще. За четверть века службы в Центральном аппарате МИДа я познакомился с целой когортой послов.

Почти все они имели хобби, некоторые достигали совершенства. Когда голландский посол в Москве говорил мне, что он перевел Цветаеву, я невольно почувствовал к нему симпатию. В Англии помимо классической музыки помогали установить неофициальные контакты с нужными людьми теннис и охота.

Июль 1995 года. Пригласили к нам в посольство принцессу Диану без большой надежды ее увидеть. Но она пришла, причем, как сказали мне старожилы, впервые. Явление вообще примечательное: члены королевской семьи в диппредставительства практически не ходят.

Выглядела она великолепно в толкотне, народу было очень много. Да к тому же дылда, выше всех на голову, спокойно передвигалась в толпе. Поводом стал аукцион детских рисунков, устроенный в посольстве. Благодаря Диане перевели мы на счет названной выше тушинской больницы сумму, значительно большую, чем рассчитывали.

Немного о принце Чарльзе. Из всеведущей «Санди Таймс» узнал, что «в 1973 году он ухаживал за девушкой Камиллой Шант. Не поверив, видимо, своему счастью, она не дождалась его. Пока принц восемь месяцев плавал, как требовала его должность, по Карибскому бассейну, Камилла приняла предложение о замужестве от полковника Паркера Боулса.

Он давно за ней ухаживал, еще до того, как появился на горизонте Чарльз. Когда полковник женился, Чарльз думал, что с Камиллой все окончено. Но чувства оказались сильнее. Фактически у Чарльза уже третий роман с одной и той же женщиной. Первый: с Камиллой Шант. Второй, с поздних 70-х годов до свадьбы с Дианой, в 1981 г. с Камиллой Паркер Боулс, замужней женщиной. Он говорит, что после своей женитьбы не видел ее в течение пяти лет (Диана активно оспаривает). И лишь в конце 1986 года, когда почувствовал, что его брак трещит по швам, в третий раз обратился к Паркеру Боулсу. Разведясь, Чарльз поселил Камиллу в своем загородном доме, но жениться на ней, пишет газета, он вряд ли сможет».

(В 2005 году, через восемь лет после трагической смерти Дианы и с разрешения Королевы, все же женился. Четвертая серия? Чарльзу было тогда 56 лет, Камилле на год больше. Однолюб он оказался, но Диане от этого не легче.)

А прабабушка Камиллы была любовницей прапрадедушки Чарльза короля Эдуарда VII. У них была огромная разница в возрасте, но десять лет они жили вместе. И якобы она, Камилла, представляясь при первой встрече Чарльзу, рассказала об этом. Что ответил Чарльз, «Таймс» неизвестно.

Добавляет патетики следующая запись: лорд Саймон Реддинг по дороге на Уимблдон, где англичане играли матч на кубок Дэвиса по теннису, рассказал мне, что главная сложность в королевской семье отношения между отцом и сыном, принцем Чарльзом и герцогом Эдинбургским. Они до сих пор сохраняют напряженный характер. Вроде бы именно отец настоял на том, чтобы сын женился на Диане, пусть даже без любви. То была попытка отвадить его от женщины, которая старше его. Не сработало. Бедная Елизавета, чего только ни довелось ей пережить!

Пара заметок о ней. Март 1995 года. В свое время мне пришлось много заниматься Югом Африки, так что особым взглядом слежу за поездкой Королевы в ЮАР, покончившую с апартеидом. Полный триумф, но вот какая загогулина, как однажды выразился наш Президент. Елизавета одела на себя драгоценности, которые были подарены английской королевской семье еще в прошлом веке кем-то из южноафри-

канцев. Вернее, подарили не сами драгоценности, а здоровенный алмаз, из которого много чего выточили, включая и эти цацки. Теперь южноафриканцы требуют: верните. Не проследил, вернули ли. Думаю, вряд ли.

Вспомнил в этой связи, не помню, в каком веке наши купцы везли дорогие подарки английскому королю, но потерпели кораблекрушение и все дары потеряли, едва сами спаслись. Вышли из положения так: торжественно зачитали монарху длинный список затонувших подарков.

Апрель 1995 года. Были на церемонии присвоения имени огромному круизному лайнеру, назвали «Ориана». 69 тыс. тонн водоизмещение, 1975 пассажиров, 700 членов экипажа, 300 млн. долларов стоимостью. Рассчитывают, что окупится за 8 лет, ибо круизный рынок растет со скоростью 15% в год.

Одно это судно может обеспечить, они считают, 10% всего круизного рынка Великобритании. Построена на германских верфях «Мейерверт», которые во время второй мировой войны строили немецкие военные суда.

Ни одна из двух английских верфей не удосужилась даже принять участие в тендере (есть всего две, которые могли бы построить такое судно), у них уже полон портфель заказов. А компания-владелец, которая называется «P & O», ждать не может, потому что должна обогнать своих конкурентов.

Нам объяснили специалисты, что круизы сейчас популярны прежде всего по соображениям безопасности, никто тебя на судне не тронет.

Про пиратство на море тогда не слыхали, да и теперь не решаются нападать на большие суда. В рискованных морях у них на борту охрана, могу засвидетельствовать. Апогей церемонии – Королева, из-за нее мы и приехали, спасибо за неожиданное приглашение. С помощью механического рычага она разбила бутылку с шампанским, как делают, когда спускают корабль на воду. Во время небольшого приема, устроенного прямо на палубе, здороваясь со мной, вдруг спросила: «Посол, вы что, охотник? Я видела вашу охотничью фотографию». Сильно я удивился, потом обрадовался, в неплохой компании охочусь. Со временем убедился: в Англии все обо всех все знают.

Май 1995 года. Майкл Кентский пригласил на ланч: до крайности небольшой частный клуб, две комнаты внизу и две наверху, принадлежит некоему Марку Блери. Стены сплошь увешаны картинами. Посередине бюст его жены, Аннабель, чье имя носит и клуб, хотя она уже давно ушла от его хозяина к некоему Голдсмиту. Принц Майкл отмечает, что, как истинные британцы, они цивилизованно порешили втроем.

Обсуждали мы вопросы делового сотрудничества: не получающий денег из казны Майкл не пренебрегает бизнесом, и посольство организовывало его встречи с нашими организациями. Сидевшие, как сельди в бочке, люди абсолютно не подавали виду, что напротив них как-никак знаменитость, десятый в очереди на британский трон.

Английское прайвиси в действии. (Не нашел русского слова, описательно: огораживание своего и уважение к чужому личному пространству.) Сейчас его должно быть оттеснили дети Вильяма.

Опять не повезло королевской семье. Только утихли скандалы с разводами, добавила мужская часть. Сначала принц Чарльз высказался, что англичанам и вообще западной цивилизации надо бы учиться у ислама, чтобы поправить пошатнувшиеся духовные ценности. Поднялась буря возмущения.

Затем отец, герцог Эдинбургский, влез в весьма здесь чувствительный вопрос запрета огнестрельного оружия. Дело в том, что в маленьком шотландском селе Данблен один маньяк застрелил двенадцать детей вместе с их преподавательницей. Филип отреагировал, что неправилен законопроект, запрещающий иметь оружие, ибо нельзя будет защититься.

Может быть это и так, но опять-таки поднялась буря негодования, и он вынужден был извиниться. Тут еще умер духовный наставник принца и, цитируют его слова: он не хотел бы, чтобы Чарльз стал королем. Слишком он человек хороший, с идеалистическими взглядами для такой должности.

Обиделись на Чарльза скауты (о них я еще расскажу) за то, что он открыто признал, что изменяет жене, дело было до развода с Дианой.

Если Чарльз станет королем, они предлагают изменить принятую тридцать лет назад клятву, где говорится о верности богу и монархии. Бога они думают оставить, а монарха

убрать. Более двадцати лет прошло с тех пор, Чарльз все еще не король, скаутам пока что нет нужды менять свою клятву.

Мои встречи с Чарльзом были сугубо светскими и беглыми, может быть потому, что в его окружении знали о моей дружбе с Дианой. Один раз специально приехал посмотреть, как он играет в поло, хоккей на траве на лошадях. Для русского глаза игра трудно понимаемая, а потому малоинтересная.

Запомнилось, что первая фраза у него всегда была одна и та же: «Как давно Вы здесь?» Это у англичан шаблон для начала разговора с иностранным послом. Слышал я ее столько раз, что однажды не выдержал и в ответ спросил собеседника, не Чарльза, конечно: «А Вы?» Тот замешкался, потом удивленно сказал: «Я здесь живу». Свою бестактность я смягчил, пояснив, почему задал такой вопрос.

5 декабря 1995 г. Запомнился ланч в посольстве Франции, изысканное меню, красивые залы, широкие стеклянные окна, выходящие, как и наши, на Кенсингтонский парк, редкая вещь снежные заряды за ними. Французский посол давал ланч в честь сэра Кеннета Скотта, который уходил со службы у Королевы в качестве ее дипломатического советника.

Встретил там двух бывших английских мидовцев. Один – Фергюсон, с которым припомнили, как беседовали на африканские темы в 1986 году. Сейчас он в советах директоров десятков компаний. Другой, Гилмор, неплохо устроился в Барклайском банке. (Бизнес – протоптанная дорожка для

отставников зарубежной службы.)

Моей соседкой была жена управляющего королевским имуществом, вернее, четырех главных точек: Букингемский дворец, Виндзорский замок, Дворец Святого креста в Эдинбурге и яхта «Британия». Они считаются национальным достоянием вместе со всем тем, что в них находится. А замки Балморал и Садрингем принадлежат лично семье.

Балморал очень любит Королева, два месяца живет там летом; в Садрингеме обитает принц Чарльз. Спросил, сколько же насчитывается предметов во всех этих точках. Говорит, несколько сот тысяч, потратили они пару лет на то, чтобы все переписать и занести в компьютер.

Жизнь стала гораздо спокойнее. В каждом замке находится небольшой постоянный персонал, остальные ездят за королевской семьей. Всего под командой управляющего находится примерно 300 человек. Познакомился также с леди Джейн, женой частного секретаря королевы – очень влиятельная фигура – одновременно родной сестрой принцессы Дайаны.

Чтобы не забывать о политике, помечу: француза, затронувшему тему СНГ, упрекнул в том, что Запад мешает нам строить отношения России с этими государствами. Никто ведь не мешал в свое время Великобритании налаживать отношения со своими бывшими колониями, с Коммонвелсом.

Точно так же с Францией. А нам ставят палки в колеса. Француз стереотипно отрицал, свои грехи они признают

крайне неохотно.

Тема эта до сих пор актуальна из-за почти постоянно-го стремления западных стран, прежде всего США, создать помехи в отношениях России с бывшими советскими республиками.

В заключение еще несколько слов о друге Посольства и моем личном, принце Майкле.

Родился он в 1942 году, за несколько недель до того, как его отец, герцог Кентский, самый младший сын короля Георга V, разбился в авиационной катастрофе. Обучался в Итоне и в военной академии в Сандхёрсте, затем вступил в королевские гусары, где и изучил русский язык. Из армии много выходило русистов, как-никак готовились воевать с нами.

Его бабушка, а именно мать его матери, принцессы Марины, была первой кузиной русского царя. Так что любители генеалогии считают, что он, будучи на пять восьмых Романовым, самый серьезный претендент на эвентуальный русский трон.

Как я упомянул, казна ему не платит, он сам зарабатывает себе на жизнь, например, представляет телесериал «Виктория и Альберт».

Брак у этой знаменитой королевы XIX века был морганический, по расчету, но они полюбили друг друга, по крайней мере, родили девять детей. Тем не менее, к Альберту относились всегда с некоторым подозрением, как к иностранцу.

Представляя одну из серий, Майкл имел неосторожность

высказаться на этот счет: мол, каждый, кто не англичанин, чем-то англичанам не подходит, что продолжается до сих пор.

Это вызвало большую полемику.

За время моего пребывания в Лондоне принц много сделал и для посольства, и в целом для отношений с Россией.

Чечня, расширение НАТО, война на Балканах: как они виделись из Лондона

Давным-давно в разговоре с одним итальянским коллегой услышал от него: «Адамишин, вы же политическое животное». Виду я не подал, но мне такое определение не очень понравилось. А все из-за малограмотности. Аристотель так именовал человека, выделяя его из животного мира. Итальянец употребил этот термин в его нынешнем понимании: человек, который больше всего интересуется политическими проблемами. Столица Великобритании – неплохой наблюдательный пункт слежения за ними.

10 декабря 1994 года. Председатель Госдумы И.Рыбкин, только приехав сюда, заторопился в Москву. Причина – Чечня. Там идет что-то вроде гражданской войны. Верх одерживает Дудаев, глава вооруженной оппозиции. Правительство он распустил, а парламент разогнал силой. Призывы к Дудаеву уйти в отставку сначала со стороны нашей миротворческой миссии, а затем и правительства России, воспринимаются как вмешательство во внутренние дела провозглашенной им независимой Ичкерии. Иван Петрович излагает все это англичанам компетентно и здравомысляще, даже если немного, как все мы, грешит многословием. Насколько я по-

нял, не видит, как будет решаться чеченский вопрос, склоняется к применению силы. Вроде в лице Дудаева имеем дело с вариантом Саддама Хуссейна. Говорил, что у дудаевцев ракеты, захваченные или купленные у наших же военных, танки и установки «Град». Англичане не возражали против силовых мер, если это крайнее и выборочно применяемое средство. В разговоре со мной весьма критично отзывался о Грачеве, считает, что Министерство обороны должен возглавить гражданский человек.

Наверное, правильная идея, но до сей поры не проходит. Начало января 1995 года. Не зря торопился Рыбкин – вели-таки войска в Чечню. Согласно указу Ельцина разоружать незаконные вооруженные формирования и восстанавливать конституционный порядок. Штурм Грозного в новогоднюю ночь и, кажется, не очень удачный. Помогай, Господи.

Москва, как народ у Пушкина, безмолвствует. Приходится вчитываться в прессу, благо англичане о Чечне пишут (и говорят мне) много. Основные линии их оценок:

– кризис в Чечне привел к резкому размежеванию в российском обществе, расколов демократическое движение в Думе. Ельцину не удалось привлечь на свою сторону большинство националистов, зато пришли в ужас либералы;

– наступление российских бронированных подразделений обнаружило трещины в военной машине, сегодняшняя российская армия – лишь тень советских вооруженных сил.

Права, думаю, грамотная «Файнэншл Таймс»: корни кри-

зиса лежат в распаде Советского Союза. Если Союз развалили для того, чтобы освободить Россию, продолжает газета, почему чеченцы не могут действовать в том же ключе, чтобы освободить Чечню от России? И дальше: «Ельцин расколол государство, которое было многонациональным. Даже если верховенство русских было непререкаемым, формально и во многих практических шагах существовала приверженность расовому равенству».

Пригласил меня на Даунинг, 10 внешнеполитический помощник премьера Р. Лайн. Ссылаясь на поручение премьера и стараясь говорить в доверительном тоне, высказал беспокойство возможным «излишним кровопролитием» в Чечне. В Лондоне вызывает опасение соблазн американцев использовать такое развитие событий для того, чтобы попытаться решить собственные задачи. Влияние республиканцев будет все дальше подталкивать американскую администрацию к привычной и удобной для нее схеме реагирования на «российскую угрозу». Европейские страны, сказал Лайн, хотели бы всеми средствами избежать этого. Во-первых, Россия действительно изменилась. Во-вторых, стремление предотвратить развал страны вполне понятно и близко многим европейским государствам, включая и Англию. Наша позиция неизменна: Лондон не признает независимость Чечни и считает ее неотъемлемой частью России. Вместе с тем первоочередное значение имеют размеры применения силы, от чего зависит масштаб жертв, особенно среди гражданского на-

селения. В Северной Ирландии мы стремимся максимально снизить его, порой даже в ущерб безопасности наших солдат. Такое кровопролитие, которое китайские власти устроили в мае 1989 г. на площади Тяньяньмынь, для Запада неприемлемо. В долгосрочном плане Китай серьезно подорвал свою репутацию. Но не западные инвестиции, заметил я.

Думаю, англичане были искренни в этом обращении к нам. Передал его с такой припиской в Москву. Наши действия неожиданно защитила влиятельная «Таймс»: если Президент Ельцин в итоге прибег к силе, это потому, что альтернатива настолько сильно ослабила бы Российскую Федерацию, что стал бы возможен ее распад. Падение авторитета Москвы имело бы в свою очередь негативные последствия для безопасности всего европейского континента. В то время как Ельцин пытается установить в Чечне порядок, его критики должны помнить, что именно чеченцы находятся вне закона.

В закрытых беседах обыгрывается такой тезис: Ельцин начал распад империи, чтобы свергнуть Горбачева, теперь он не может его остановить. Конечно, стоящая перед ним дилемма жестока, но та жестокость, с которой он решает ее, не может привлечь к Ельцину симпатии.

Не Западу пытаться сохранить границы сегодняшней Российской Федерации точно в том месте, где они находятся, но и не ему поощрять постоянный процесс дезинтеграции. В западных интересах иметь стабильную Россию, а не ха-

ос. Доводы, что именно Ельцин лучше всего сохраняет мирную стабильность, теряют убедительность с каждым днем маленькой кровавой войны.

«Евростар» из Парижа: полтора часа до Ла-Манша, 20 минут под ним и еще чуть больше часа до лондонского вокзала «Ватерлоо». Ничего особенного, сказали бы москвичи, электричка она электричка и есть. Англичане, кстати, не любят туннель и поезд, который соединяет Лондон с Парижем и Брюсселем. Почему? Говорят, три причины. Во-первых, разрушено английское чувство прекрасной изоляции. Во-вторых, страдают паромы. А это то небольшое, что осталось от великой морской державы. И в-третьих, технологические новшества всегда вызывали некоторое недоверие в стране, которая остается во многом луддитской.

Не зря поминал «островную психологию»!

Съездил туда на день потолковать со своими в Париже, из Центра информации по Чечне ноль. Общее настроение – тревога и недовольство, иногда переходящие в «зла не хватает». Кто принял столь критичное решение идти танками в Чечню? Пальцы моих собеседников, возглавляющих российские учреждения в Париже (посол Юрий Рыжов, представитель в ЮНЕСКО Миша Федотов) направлены в сторону силовиков. Теперь командуют они. Помимо всего прочего Ельцина уверяли, что население деморализовано, сопротивляться не будет. Раздражение еще из-за того, что неправильное решение проводится в жизнь неумело. Люди, гово-

рят мои коллеги, не хотят выходить из танков, много дезертиров, командный состав и тот открыто выражает несогласие (Громов, Лебедь, Кондратьев, Воробьев). А бомбежки – вообще нечто неслыханное. Рыжов полагает, что Б.Н. надо сдать двух-трех наиболее ответственных за операцию лиц и сделать неожиданный ход, мастаком которых он когда-то являлся. Какой ход, Юрий Алексеевич не уточняет. Он не уверен, что Президент дееспособен на все 100-. Около двух недель молчит, слова от него не слышно. Армия наведет порядок? Не в том она для этого состоянии. Авиация, считает посол, бывший авиационный инженер, давно уже в замаске. Их не учат летать по-настоящему. Грозный бомбят и обстреливают до неприличия не точно. Конституционным путем уже ничего не добиться, правит сила.

Обращают мое внимание на статью Егора Гайдара. Он пишет: «Весной 1994 года режим Дудаева висел на волоске. Мы же сделали все, чтобы реанимировать его, сделать снова чеченским героем, сплотить за ним всю нацию и потом попереть на все это танковыми колоннами».

Вновь и вновь задаю себе вопрос, что мне-то делать в такой ситуации? Подать в отставку с госслужбы?

(В конечном счете так и поступил через какое-то время.)

Единственный, с кем посоветовался, – давний друг Андрей Грачев, на удачу он в Париже. Говорит: «Ты и так уехал полудиссидентом, к тебе претензий быть не должно, не вылезай». С трудом дозвонился до Жени Примакова, дружим

тыщу лет.

Его совет практически тот же: «Не лезь». Рыжов считает, что у Максимыча мысли насчет Чечни правильные, но он их не отстаивает, решение Совета Безопасности его повязало. А больше у меня и нет там тех, с кем мог бы поговорить откровенно.

Телевизионное выступление Ельцина (где он был две недели?) показало, что он решил идти до конца, никого не сбрасывая и ни на кого не перекладывая ответственность. Лично он. По крайней мере честно. По существу жесткая позиция подкрашивается двумя фразами: отдаю приказ о прекращении бомбардировок (а кто его давал?). Дверь к политическому урегулированию не закрыта, но: «сдавай оружие». Кто ж тебе его сдаст? Хвалил военных, защищал лично Грачева и Ерина (МВД), словом: флаг в руки.

Позвонил новый знакомый главный редактор «Дейли Телеграф». Посоветовал обратить внимание на статью о России, мол, она отражает взгляды тех, «кто повыше». Лихо проехали по нам: «Российская попытка подавить мятеж чеченцев ярко высветила слабость государства, которым руководит Борис Ельцин. Маленькая часть федерации успешно противостоит вооруженной мощи центра.

Нет сомнений: чеченцы, которых подогревают горькие воспоминания имперских и сталинских репрессий, смелые воины. Однако неудачи повергнуть их в бегство объясняются в равной степени неумением русских. Один из факто-

ров неуспеха можно приветствовать: приход демократии вынуждает исполнительную власть больше прислушиваться к общественному мнению. Мы защищали право Москвы отстаивать территориальную целостность Федерации против незаконного объявления независимости генералом Дудаевым. Однако то, как проводится операция, показывает, что для обеспечения своего политического выживания у г-на Ельцина не остается другого выбора, как пойти на соглашение с мятежниками. Российское государство показало себя более слабым, чем ожидалось. Эта слабость, конечно, обнадеживает тех, кто считает, что Москва представляет угрозу западным интересам в Восточной Европе.

Однако это может служить вестником разрушения порядка в ядерном государстве, а также, если г-н Ельцин будет отстранен от власти, риском установления фашистского режима с малой или никакой заинтересованностью в сотрудничестве с Западом».

Их постоянно тревожило, какой оборот могут принять события в России. Так что до стопроцентной поддержки демократической России Запад так и не дошел. Всегда оставалась настороженность и сдержанность. Теперь многие там считают, что они были правы, поглядите, мол, на сегодняшнюю российскую политику. Прекрасная черта англосаксов: не признавать своих ошибок, своей части ответственности за нынешнее состояние отношений России с Западом.

Официальные англичане пока нам чеченские дела в основном прощают, особенно по сравнению с Францией, США и ФРГ. Канцлер Коль вообще назвал Чечню «чистым безумием». Прав был я, советуя взять назад заявку в Совет Европы, черта с два нас теперь примут.

Пресса к нам менее милостива, критикует и собственное правительство за «излишнюю мягкость». Экстраполируя на нас свои понятия, считает, что дни Б.Н. сочтены. 65россиян не доверяют Президенту, «скрывшемуся за стенами Кремля, где группа людей, не подотчетная общественности, вершит его политику. Не простят люди своей власти такого унижения!»

Но есть и другое суждение: «Исполнительная президентская власть, которую создал Ельцин, столь могущественна, что за исключением дворцового переворота у его оппонентов практически нет способов сместить его.

Кроме того, среди его критиков нет единства».

А по словам пресс-атташе Президента Костикова, нет ни малейшего политического кризиса. Это верно, по крайней мере, с той точки зрения, что несмотря на Чечню, Запад по-прежнему ставит на Ельцина, исходя из того, что это меньшее зло. Себя они ругают за то, что не присмотрели никого другого.

Навестил посольство зампред Совмина Татарстана Мансуров. О Чечне говорил в горьких выражениях.

С Дудаевым можно было найти общий язык, надо было

только снизойти до него, высказать уважение. Ну, хорошо, не хочешь сам разговаривать с Дудаевым (имея в виду Ельцина), собери то, что можно было бы назвать большим хуралом, первых лиц в автономных республиках, регионах, попытайся создать из них комиссию для переговоров. Даже если ничего не получится, покажи себе и другим, что попытались испробовать все средства. Он считает, что дело не только в Чечне самой по себе.

Проходит далеко идущая операция, направленная на то, чтобы показать мускулы, острастка для других. Не менее важно, по словам Мансурова, укрепить режим личной власти. Ельцинский Совет Безопасности он, как и здешняя печать, называет политбюро.

За последние десять лет потерпели огромные убытки: развалили страну, разрушили промышленность, сельское хозяйство (приводил такую цифру: в два раза сократилось поголовье скота, теперь несколько лет надо, чтобы восстановить, да и восстанавливать некому). Одним словом, нанесли сами себе огромный ущерб, а в итоге пришли к ситуации, по крайней мере, с политической точки зрения значительно худшей, чем 10 лет назад.

Руководящий деятель, только познакомившись, говорит столь откровенно. Такова была атмосфера тех лет. Потрясающая фотография в наших газетах, дружно перепечатанная в английских: закапывают в общий ров, огромную братскую могилу людей, погибших в Грозном. И попик стоит,

осеняя крестом и держа в руках автомат.

Несмотря на предупреждение Примакова («не лезь!»), решил написать в Москву соображения по Чечне.

(Строго говоря, долг посла – не оставаться в стороне от острейшей на данный момент проблемы, даже если она не внешнеполитическая и формально тебя не касается.) Вспоминая долгую службу в Центральном аппарате, могу уверенно сказать, что большинство посольств предпочитает «не вылезать». Тем более если нет прямого запроса. Есть и уважительные причины: Москва традиционно снабжает информацией скупо, а практика страны пребывания не даст материала, сказать нечего. У меня же был британский опыт «обращения» с североирландской проблемой, на которой за последние десятилетия англичане набили себе немало шишек. Решил, что он может быть полезен для нахождения развязок чеченского узла.

Привожу краткую выжимку из направленного.

1. Практика разрешения внутригосударственного конфликта, каким является североирландский, предостерегает от безусловной поддержки большинства за счет ущемления интересов меньшинства.

Чрезмерно жесткая реакция британского правительства на выступления небольших по численности религиозных групп в защиту гражданских прав (1968-69 гг.) оказалась контрпродуктивной.

В итоге потребовался ввод в Северную Ирландию (Оль-

стер) правительственных войск. В Лондоне думали на непродолжительное время, на практике – больше двадцати пяти лет.

2. Параллельно с поиском политического урегулирования англичане стараются развивать экономику проблемного региона. Сейчас она растет быстрее, чем у Великобритании в целом. Впервые за многие десятилетия в провинцию стали возвращаться эмигранты, потомки переселенцев разных поколений.

3. В числе удачных мер британского правительства внутри провинции: обеспечение права на выбор обучения в однопольковой, либо в смешанной религиозной школе; разрешение на вывешивание гражданами любого национального флага по собственному выбору; финансовая и иная поддержка инициатив, направленных на сближение интересов всех групп населения.

4. Не сбрасывается со счетов полезность проведения предметных парламентских исследований, а также укрепление органов местного самоуправления, в частности, через расширение их полномочий.

Посылая депешу, не надеялся, что ей будет дан ход. Но если не послать, тогда точно никаких шансов. Отсутствие какой-либо ответной реакции считал за норму.

10 января 1995 г. Пригласили к госсекретарю по иностранным делам Дагласу Хэрду.

Начал он без обиняков: «лейбористская оппозиция тре-

бует от правительства заявления по Чечне. Рано или поздно выступить придется, и мне не хотелось бы делать этого, не зная актуальной российской позиции. Я весьма обеспокоен ситуацией вокруг Чечни.

Слишком много жертв, это неблагоприятно сказывается на отношении Запада к России. Выводы делать пока рано. Поэтому я ограничиваюсь по Чечне минимумом необходимого, чтобы не закрывать дверь для той или иной позиции в будущем и тем более не затруднять контакты с Россией».

Был уверен, что разговор пойдет о Чечне, так что не только кратко изложил содержание последних московских ориентировок, но и передал Хэрду их английский перевод. Благо их было немного.

Прокомментировав главные моменты английской позиции, отметил, что в сущности российское правительство по этим направлениям и прилагает усилия. Особо выделил предложенное нами перемирие: мы стремимся к прекращению дальнейшего кровопролития, к созданию условий для перевода событий в русло мирного урегулирования. Сдержанность британской позиции по Чечне не осталась незамеченной в Москве. Предостерег против каких-то репрессалий в отношении России, о которых можно иногда слышать. Они имели бы контрпродуктивный эффект.

Тема санкций, столь любимая американцами, – впервые, если не ошибаюсь, они применили их еще против царского правительства за отношение к евреям в Российской империи

– постоянно проглядывала из-за кулис. В тот период Запад не допустил Россию в Совет Европы, организацию правозащитную, но на большее не пошел.

«Зато» наверстывает сейчас.

Нас беспокоит, продолжал Хэрд, что конфликт в Чечне может приобрести затяжной характер. Вы можете убедиться в этом на примере военной операции в Афганистане. На юге Чечни горы, и оттуда долго можно вести партизанскую войну.

Чем скорее будет найдено долгосрочное политическое решение, тем лучше. Мы считаем, сказал Хэрд, что без ущерба для статуса Чечни, как части Российской Федерации, полезную роль в решении гуманитарных вопросов и соблюдения прав человека может сыграть ОБСЕ. В этом смысл миссии представителя действующего председателя ОБСЕ Дьярмати в Москву. Надеемся, что реакция российской стороны будет позитивной. Ответил, что в Москве достигнута договоренность о поддержании деловых контактов с ОБСЕ в гуманитарной области.

Это хорошо, среагировал Хэрд, но этого мало. ОБСЕ не может оставаться безучастной. Вы же сами просили нас помочь с правами человека в Эстонии, а это ведь ее внутренний вопрос, как и Чечня для вас. Мы с интересом ожидаем, с чем Дьярмати вернется из Москвы. Поймите, что мы не можем просто сидеть сложа руки, сказал Хэрд, намекая, что ОБСЕ могла бы стать своего рода отдушиной для «выпуска

пара». Спасибо, англичанин, за подсказку!

ОБСЕ оказалась полезной и много лет спустя при конфликте в Донбассе.

После беседы секретарь Хэрда рассказал, что он советует американцам умеренно вести себя с нами, несмотря на Чечню. Не допустить большого кризиса в отношениях Россия-Запад, делать ставку на Б.Н., а Великобритания против каких-либо санкций против России за Чечню, в т. ч. со стороны ЕС.

Вот что поведали старые друзья, «правильные» демократы Егор Гайдар и Аркадий Мурашов. Егора я знал еще школьником, поскольку дружил с его отцом, Тимуром, журналистом и адмиралом.

Ельцин поручил Черномырдину заняться мирным урегулированием в Чечне, другие напортачили, премьеру поправлять. Он уже создал рабочую группу в правительстве (услышав это, заслал на всякий случай и туда соображения посольства).

Наша армия не совсем то, за что ее принимали. Вообще в современном обществе использование армии затруднено и с юридической (требуют обоснования!), и с моральной (не хотят жертв), и с чисто практической точек зрения. Экономические последствия Чечни: быстро растут цены, иностранцы перестали покупать акции (а было уже до 500 млн. долл. в месяц!). Если 1994 г. был в экономике годом снижения рисков и повышения возможностей, то на старте 1995-го все

в этом смысле наоборот.

Что вообще происходит в России? По Гайдару и Мурашову, резко усиливается роль армии, нарастают авторитарные тенденции. Власть передается в руки людей, не приспособленных к цивилизованному ведению дел, что может быть окрашено в такие цвета, как непрофессионализм, коррупция.

Растрачивается то, что успели сделать демократы, «Выбор России». В начале 1992 года проблема единства России не стояла. Сейчас же самое главное – не допустить ее развала плюс удержать ситуацию в демократических рамках. Министров-выбороссов, считают мои собеседники, из состава правительства пока не выводить. Евгений Григорьевич Ясин, министр экономики, держится молодцом. Поддержал действия Президента Лужков, демонстрируя лояльность.

Егор не выдержал: оставили, сволочи, оружие Дудаеву, кто-то разбогател, теперь расплачиваемся кровью. Сослался на маршала Шапошникова, тот напрямую называет в качестве одного из главных виновников Грачева. Англичане, кстати, давно мне говорят, что теперь Грачев точно погорит. Ошибаетесь, сэры.

18 января. Передал премьер-министру послание Президента РФ по Чечне. Его дипсоветник сказал, что послание будет, естественно, изучено, но уже сейчас ему поручено заявить следующее.

«В Лондоне с большим уважением относились к прояв-

лению российским руководством в течение трех лет сдержанности в отношении режима Дудаева. В Москве, наверное, отметили, что английские власти никогда не вступали в контакт с приезжавшими в Лондон посланцами Дудаева, несмотря на их просьбы. Английская позиция всегда состояла в том, что Чечня – часть России.

Исходя из этого, мы с полной откровенностью, в духе дружбы и доброжелательности позволяем себе высказать свое мнение о чеченских событиях.

Военная операция в Чечне проведена неудачно и вызвала плохой резонанс. Возможно, все произошло из-за того, что кто-то дал плохой совет.

Тонкий намек Ельцину: свали на кого-нибудь. Слишком много жертв среди гражданского населения, и все это доносится телевидением до сотен миллионов людей, создает очень неблагоприятное представление о России.

Британское правительство с самого начала конфликта приняло решение помочь России поскорее выбраться из чеченского кризиса. И уж ни в коем случае не допустить того, чтобы был нанесен ущерб отношениям России с Англией, другими странами Запада и их организациями. По нашим оценкам, Россия подвергается двойной опасности: потерять с трудом набранный демократический капитал и предстать перед миром в качестве новой угрозы.

Отсюда необходимость незамедлительно разрядить ситуацию, причем сделать это желательно по нескольким направ-

лениям. Прежде всего мы бы советовали побыстрее прекратить военные действия, поскольку они сопровождаются массовой гибелью невинных людей. Более того, военный путь вообще бесперспективен. В этом мы убедились на собственном печальном опыте в Северной Ирландии.

Так или иначе, раньше или позже, приходится садиться за стол переговоров даже с самыми ненавистными противниками. В природе просто не существует другого выхода. По этой причине Англия будет приветствовать все шаги России, которые ведут к политическому урегулированию чеченского кризиса.

Естественно, при том понимании, что Чечня останется в составе России. Россия в данной ситуации поступила бы правильно, если бы оказала всемерное содействие доставке и распределению международной гуманитарной помощи.

Нас ободряет проявляемая Россией в последнее время готовность активно сотрудничать с ОБСЕ в деле стабилизации положения с правами человека и в перспективе в проведении свободных демократических выборов в Чечне. При этом важно, чтобы эта готовность стала реальной политикой, а не осталась только словами.

У чеченского кризиса, как ни странно, есть и своя положительная сторона: он показал самостоятельное значение СМИ в нынешних российских условиях, и это, конечно, представляет собой зримое достижение пока еще молодой российской демократии.

С англичанами можно было тогда иметь дело, а?

Май 1995 года. Чечня не идет из головы, попробовал организовать свои мысли. Сейчас мы ведем борьбу на политической территории, которая называется целостность России. Надо перейти на другую ипостась. Она называется человеческая жизнь. Она дороже принципов. И тогда появится возможность попробовать по-другому подойти к чеченской трагедии.

А именно: да, целостность России дорога, но человеческая жизнь – дороже. Такой подход сам по себе, как только он будет всего-навсего заявлен – не более того! – обеспечит симпатию и поддержку.

Самое главное: такой подход отнюдь не заставляет нас отказаться от принципа целостности России. Он означает лишь, что мы восстанавливаем правильную иерархию принципов, сохраняя верность обоим.

Мы стремимся сберечь не только жизни людей, но и целостность России. Упор на приоритет гуманного над политическим позволит:

1) Вступить в контакт с Дудаевым. Пусть он такой-рас-такой, вне закона и прочее, но ради спасения человеческих жизней не возбраняется беседовать и с самим дьяволом.

И вступили ведь, в конце концов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.